

Содержание

От редакции	7
-------------------	---

*Гаага. Лондон. Париж.
«Детство и юность — суета»*

Гаага. 29 сентября 1872 — 9 мая 1873	11
Лондон. 13 июня 1873 — 8 мая 1875	17
Париж. 6 июля 1875 — 23 марта 1876	28

*Рамсгейт. Дордрехт. Амстердам. Боринаж и Брюссель.
«Твой брат впервые проповедовал в доме Господнем...»*

Рамсгейт, Уэлвин и Айлворт. 17 апреля — 25 ноября 1876	43
Дордрехт. 7 февраля — 23 марта 1877	74
Амстердам. 30 мая 1877 — 3 апреля 1878	84
Боринаж и Брюссель. Ок. 13 ноября 1878 — 2 апреля 1881	126

*Эттен. Гаага. Дренте
«Я — художник»*

Эттен. 5 августа — ок. 23 декабря 1881	175
Гаага. 29 декабря 1881 — 10 сентября 1883	217
Дренте. Ок. 14 сентября — 1 декабря 1883	498

От редакции

В первый том нового перевода эпистолярного наследия Винсента Ван Гога вошли письма, написанные будущим художником с 1872 по 1883 год.

Большинство писем этого периода — на нидерландском языке, но, поскольку Ван Гог с детства владел также французским и английским и с ранних лет много читал на этих языках, тексты пестрят иностранными цитатами. В переводе мы постарались максимально наглядно отразить эту своеобразную деталь присущего автору эпистолярного стиля.

Кроме того, в нашем переводе мы хотели подчеркнуть еще одну характерную особенность этих текстов. Долгое время источником знаний о том, что представляют собой письма знаменитого голландского художника, служили их публикации, подготовленные его невесткой — супругой Тео Ван Гога Йоханной Ван Гог-Бонгер. Ей же принадлежат и первые переводы на английский язык: Йоханна, которая задалась целью продолжить дело супруга, скончавшегося через несколько месяцев после брата, и прославить творчество деверя, понимала, что экзотичность нидерландского языка значительно сужает круг потенциальных читателей. Именно переводы Йоханны затем легли в основу многих первых переводов писем на другие языки, а потому унаследовали и их особенности. Готовя письма к изданию, Йоханна Ван Гог-Бонгер, конечно же, избирательно подходила к текстам, публикуя лишь те письма или даже фрагменты писем, что не могли бы нанести ущерба доброму имени семьи или оскорбить живущих родственников, а также редактировала тексты, придавая им большую гладкость и «литературность». Тем внезапнее оказывается

впечатление от текстов писем без фильтра этого промежуточного перевода и редактуры. В статье «О сложности перевода писем Ван Гога» И. Михайлова и А. Яковлева отмечают среди прочего «небрежный синтаксис и совершенно произвольное использование Ван Гогом подчинительных союзов», расплывчатые формулировки — вследствие тщетных попыток объяснить новаторский характер своей живописи, «множество реалий, в том числе быта нидерландских крестьян конца XIX в., а также искусствоведческих терминов конца XIX в., не имеющих русских эквивалентов».

В нашей антологии все публикуемые письма приводятся полностью, композиция текста повторяет оригинальную.

Настоящая двухтомная антология включает в себя новые переводы примерно третьей части сохранившихся писем Ван Гога — всего до наших дней дошли 903 письма. Источником текстов писем послужило наиболее полное и авторитетное на данный момент научное интернет-издание www.vangoghletters.org, подготовленное ведущими мировыми специалистами в рамках «Van Gogh Letters Project» (1994–2009; на сайте можно ознакомиться с полным корпусом писем Ван Гога в факсимильном варианте, в виде текста на языке оригинала, а также в комментированном переводе на английский язык).

Номера, с которых в нашем издании начинается заголовок каждого письма, приводятся в соответствии именно с изданием «Van Gogh Letters Project».

В качестве источника дополнительных сведений о жизни и творчестве Винсента Ван Гога, о взаимоотношениях в его семье, о его художественных и литературных пристрастиях мы обращаем внимание читателя на фундаментальную биографию Стивена Найфи и Грегори Уайт-Смита «Ван Гог. Жизнь» — наиболее полную из существующих на данный момент, авторы которой привлекают обширный исторический материал, детально анализируя эпистолярное наследие художника на фоне широчайшего исторического и культурного контекста. Книга переведена на русский язык.

Гаага. Лондон. Париж
«Детство и юность —
суета»

Гаага

29 сентября 1872 — 17 марта 1873

В 1869 году шестнадцатилетний Винсент Ван Гог¹, прожив год в родительском доме после преждевременного возвращения из школы в Тилбурге, поступил на службу в гаагский филиал международной компании «Гупиль и К^о», специализировавшейся на торговле произведениями искусства и изготовлении гравированных репродукций. Протекцию племяннику составил дядя Винсент Ван Гог — один из партнеров в компании. В переписке этого периода упоминаются многочисленные друзья и родственники семьи Ван Гог, а также его коллеги и новые знакомые — в частности, его непосредственный начальник Херманус Терстех и его семья, а также семья Роос, у которой юный Ван Гог квартировал на Ланге Бестенмаркт. Именно с этого адреса было отправлено первое из сохранившихся писем Ван Гога, адресованное младшему брату Тео. В 1872 году Тео также вступил в ряды сотрудников фирмы «Гупиль и К^о», но, в отличие от брата, присоединился к ее филиалу в Брюсселе.

¹ В настоящем издании фамильную приставку «Ван» в фамилии Ван Гог мы пишем, согласно сложившейся традиции, с прописной буквы. — *Примеч. ред.* (Здесь и далее, если не указано иное.)

001 (1). *Тео Ван Гог. Гаага, воскресенье, 29 сентября 1872*

[Гаага, 29 сентября 187]2

[Дорогой] Тео,

благодарю тебя за письмо, я был рад узнать, что ты хорошо добрался. В первые дни мне тебя не хватало, и когда я днем возвращался домой, было непривычно, что тебя там нет.

Мы приятно провели несколько дней вместе и даже прогулялись, пока капал [дождь], и что-то повидали.

Какая ужасная погода, тебе наверняка было жутковато, когда ты ходил в Ойс[тер]вейк. Вчера по случаю выставки прошли рысистые бега, но иллюминацию и фейерверк перенесли из-за непогоды — хорошо, что ты не остался ради них.

Хаанебеки и Роосы передают тебе привет. Всегда

любящий тебя

Винсент

002 (2). *Тео Ван Гог. Гаага, пятница, 13 декабря 1872*

Гаага, 13 декабря 1872

Дорогой Тео,

из письма папы узнал отличную новость. От всей души желаю тебе удачи.

Не сомневаюсь, тебе там очень понравится, это просто прекрасное дело.

Тебя ожидают большие перемены.

Я ужасно рад, что отныне мы заняты одним и тем же делом и работаем в одной фирме; нам нужно почаще друг другу писать.

Очень надеюсь повидаться с тобой, пока ты не уехал, нам нужно еще многое обсудить.

Брюссель — очень приятный город, но поначалу он покажется тебе чужим.

Все равно напиши мне как можно [ск]орее.

[А] теперь прощай, это лишь пара [ст]рок, набросанных на бегу, но я все же должен был [тебе] сообщить, насколько я обрадовался.

Будь здоров и всегда верь мне.

Твой любящий брат
Винсент

Мне жаль, что тебе каждый день нужно в Ойстервейк в такую непогоду. Привет от Роосов.

003 (3). Тео Ван Гог. Гаага, середина января 1873

Гаага, январь 1873

Дорогой Тео,

из дому дошли вести, что ты благополучно добрался до Брюсселя и что твои первые впечатления от него благоприятны.

Я прекрасно представляю, насколько непривычно тебе будет поначалу, но сохраняй бодрость духа, все получится. Напиши как можно быстрее о том, как идут дела и понравился ли тебе пансион.

Я надеюсь, что он будет хорошим. Папа написал мне, что ты подружился со Шмидтом, это здорово: он отличный малый и быстро введет тебя в курс дела.

Как же чудесно мы провели рождественские дни, я часто о них вспоминаю; ты тоже будешь их долго помнить, ведь это были твои последние дни дома. Непременно напиши, какие картины ты уже увидел и что тебе понравилось.

Сейчас, в начале года, у меня много дел. Новый год начался для меня хорошо, я получил 10 гульденов прибавки к жалованью, так что теперь я зарабатываю 50 гульденов в месяц, и, кроме того, я получил 50 гульденов премии. Разве это не замечательно? Надеюсь, что теперь я смогу полностью себя обеспечивать.

Я очень рад, что ты работаешь в той же фирме, что и я. Это такое прекрасное место: чем дольше здесь находишься, тем интереснее становится.

Возможно, начинать здесь сложнее, чем где-нибудь еще, но не опускай рук, и ты добьешься своего.

Спроси Шмидта, сколько стоит «Album Corot. Lithographies par Emile Vernier»¹. У нас в магазине о нем спрашивали, а я знаю, что в Брюсселе он есть.

В следующий раз пошлю тебе вместе с письмом свой портрет, я заказал его в прошлое воскресенье.

Ты уже побывал в Пале-Дюкаль?² Непременно это сделай, если тебе представится случай.

Как дела у дяди Хейна? Я очень ему сочувствую и надеюсь, что он поправится. Передавай сердечный привет ему и тете.

Приезжал ли дядя Сент в Брюссель?

Ну, приятель, будь здоров, все здешние знакомые передают тебе привет и желают тебе успеха. Передавай от меня привет Шмидту и Эдуарду и поскорее пошли мне весточку.

Прощай.

Твой любящий брат
Винсент

Мой адрес тебе известен: Ланге Бестенмаркт, 32, или фирма «Maison Goupil & Co».

005 (5). Тео Ван Гогу. Гаага, понедельник, 17 марта 1873

Гаага, 17 марта 1873

Дорогой Тео,

вот и настало время вновь получить от меня весточку, и мне не терпится узнать, как у тебя дела и как дела у дяди Хейна, и я надеюсь, что если ты найдешь время, то напишешь мне.

Тебе уже наверняка известно, что я отправляюсь в Лондон, и, вероятно, очень скоро. Я очень надеюсь повидаться с тобой до этого.

¹ «Альбом Коро. Литографии, выполненные Эмилем Вернье» (фр.).

² Дворец академий (Palais des Académies) на рю Дюкаль — также известный как Пале-Дюкаль, — где располагался Музей гипсовой скульптуры (Musée des Plâtres) и Музей современного искусства (Musée Moderne). — *Примеч. перев.*

Если получится, поеду на Пасху в Хелворт, но это будет зависеть от новинок, которые повезет Итерсон. До его возвращения я уехать не смогу.

В Л[ондоне] у меня будет совершенно иная жизнь: вероятно, я буду снимать комнату в одиночку, поэтому придется позаботиться о многих вещах, о которых сейчас я не задумываюсь.

Как ты догадываешься, мне не терпится увидеть Л., но все-таки жаль уезжать отсюда. Только теперь, когда мой отъезд стал делом решенным, я заметил, насколько я привязался к Гааге. Ну да ладно, ничего уже не изменишь, и я не собираюсь принимать это слишком близко к сердцу. Мне нравится английский язык, я довольно сносно его понимаю, но говорю еще не так хорошо, как бы мне того хотелось.

От Анны я узнал, что ты снялся для портрета, и, если у тебя будет лишний, имей меня в виду.

Как дела у дяди Хейна — наверное, не лучше — и как поживает тетя? Может ли он еще заниматься делами и испытывает ли сильные боли? Передай им горячий привет, я очень часто думаю о них.

Как дела в фирме, наверняка очень много хлопот? У нас тоже. Должно быть, ты уже вошел в курс дела.

Как жизнь в пансионе? Он все еще тебе нравится? Это самое важное. Главное — пиши мне обо всем, что видишь. Две недели назад, в воскресенье, я побывал в Амстердаме на выставке картин, которые отправятся оттуда в Вену. Это было очень интересно, и мне любопытно, какое впечатление произведут голландцы в Вене.

Мне очень нравятся английские художники, они весьма редко нам попадают, потому что почти все [их картины] остаются в Англии.

В Лондоне у Гупиля нет магазина, они только доставляют [предметы искусства] для продажи.

Дядя Сент придет сюда в конце месяца, мне не терпится услышать его рассказы.

У Хаанебеков и тетушки Фи постоянно спрашивают о тебе и передают тебе привет.

Здесь стоит прекрасная погода, я пользуюсь этим, насколько возможно: в минувшее воскресенье мы с Виллемом катались на весельной лодке. Мне так хотелось бы провести это лето здесь, но мы должны довольствоваться тем, что имеем. А теперь прощай, будь здоров и пиши мне. Пожелай от моего имени всего хорошего дяде и тете, Шмидту и Эдуарду. Я с нетерпением жду Пасхи. Как всегда,

твой любящий брат
Винсент

Господин и госпожа Роос и Виллем передают тебе привет.

Только что получил твое письмо, спасибо. Мне пришлось по душе портрет, он довольно удачен. Как только я узнаю больше о своей поездке в Хелворт, тотчас тебе напишу, будет здорово, если мы с тобой приедем в один день. Прощай.

Тео, все же еще раз советую начать курить трубку: это помогает, когда падаешь духом — как в последнее время иногда случается со мной.

008 (8). Тео Ван Гог. Гаага, пятница, 9 мая 1873

Гаага, 9 мая 1873

Дорогой Тео,

в понедельник утром я отправляюсь из Хелворта в Париж и буду проезжать Брюссель в 2 часа 7 минут. Если сможешь, приходи на вокзал, я буду очень рад.

Пока не забыл: вчера я показал г-же Терстех твой портрет, и ей очень хотелось бы иметь такой же. Не будет ли у тебя возможности раздобыть еще один и послать мне?

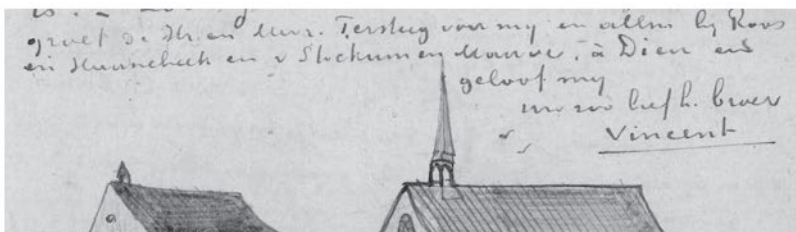
Если сейчас невозможно, то подумай об этом в будущем.

Тео, ты не представляешь, как здесь все добры ко мне; вообщем, как мне жаль расставаться со столькими друзьями.

Прощай, старина, передавай от меня сердечный привет дяде и тете. До свидания.

Винсент

Уточни, на каком вокзале тебе нужно быть: Северном или Южном.

Лондон

13 июня 1873 — 8 мая 1875

В мае 1873 года Винсента переводят в лондонский филиал фирмы «Гупиль и К°». Тео к концу 1873 года переезжает в Гаагу, чтобы занять должность в том филиале, где прежде работал старший брат. На праздники вся семья собирается в Хелворте, где в то время живет семейство Ван Гог (преподобного Теодоруса Ван Гога, отца Винсента и Тео, часто переводят по службе). После краткого визита в центральный филиал «Гупиль и К°» в Париже Винсент вновь возвращается в Лондон, где некоторое время работает в галерее «Холлоуэй и сыновья», сотрудничающей с компанией Гупиля. Винсент совершает долгие пешие прогулки по Лондону и его окрестностям, посещает службы в церквях и выступления проповедников. Братья много читают, их литературные вкусы вполне отражают модные тенденции своего времени: в числе любимого романтическая поэзия Генриха Гейне и Альфонса де Ламартина и викторианские романы Джордж Элиот.

009 (9). Тео Ван Гогу. Лондон, пятница, 13 июня 1873

Лондон, 13 июня 1873

Дорогой Тео,

тебе наверняка не терпится получить от меня письмо, и я больше не хочу заставлять тебя ждать.

Из дому мне сообщили, что ты сейчас живешь у господина Шмидта и что тебя навестил папа. Я искренне надеюсь, что тебе понравится там больше, чем в предыдущем пансионе, даже не сомневаюсь в этом. Напиши мне поскорее, я очень этого жду, и расскажи, как проходит нынче твой день и т. д. Обязательно напиши и о том, какие картины ты видел в последнее время, не вышло ли новых гравюр и литографий. Держи меня в курсе, ведь такое мне тут встречается не часто, так как здесь у фирмы есть только склад.

Мои дела, если учесть обстоятельства, идут очень хорошо.

Я живу в пансионе, который мне пока нравится. Кроме меня, в доме еще три немца, которые очень любят музыку и сами играют на фортепиано и поют, что делает вечера весьма приятными. Я не так сильно занят, как в Гааге, потому что на работе нужно быть с утра и лишь до 6 часов вечера, а в субботу я освобождаюсь уже в 4 часа. Живу я в предместье Лондона, здесь относительно спокойно, и это место чем-то напоминает Тилбург или подобный ему город.

Я очень приятно провел время в Париже и, как ты можешь догадаться, получил огромное удовольствие от всей той красоты, которую увидел на выставке, а также в Лувре и в Люксембурге. Магазин в Париже великолепен и гораздо больше, чем я себе представлял. Особенно на площади Оперы.

Жизнь здесь очень дорога, на пансион я трачу 18 шиллингов в неделю, не считая стирки, и к тому же приходится питаться в городе.

В прошлое воскресенье я вместе с мистером Обахом, моим начальником, ездил за город, в Бокс-Хилл: это большой холм (примерно в 6 часах от Л.), частично известняковые склоны которого покрыты самшитом, на одной из его сторон — роща с высокими дубами. Здесь потрясающе красивая природа, очень непохожая на голландскую или бельгийскую. Повсюду великолепные парки с высокими деревьями и кустарником. Там можно гулять. На Троицу я совершил чудесную вылазку с теми немцами, но эти господа тратят очень много денег, и я больше не буду с ними ездить.

Я был рад узнать от папы, что дядя Х. чувствует себя сносно. Передавай ему и тете сердечный привет от меня и расскажи им что-нибудь обо мне. Поприветствуй от моего имени господина Шмидта и Эдуарда и поскорее напиши мне. Прощай, будь здоров.

Винсент

мой адрес:
Care of Messrs Goupil & Co
17 Southampton Street
Strand
London¹.

011 (10). Тео Ван Гогу. Лондон, воскресенье, 20 июля 1873

Лондон, 20 июля 1873

Дорогой Тео,

спасибо за твое письмо, которое доставило мне массу удовольствия. Я рад, что твои дела идут хорошо и что тебе по-прежнему нравится жить у господина Шмидта. Мистер Обах остался доволен знакомством с тобой. Надеюсь, в будущем мы будем часто сотрудничать с вами. Картина Линдера великолепна.

Что касается гелиографюр, то я приблизительно знаю, как они изготавливаются, но сам этого не видел и не настолько в этом разбираюсь, чтобы объяснить.

Поначалу английское искусство не слишком меня привлекало, к нему нужно привыкнуть. Однако здесь есть талантливые художники, в частности Миллес, который написал «Гугенота», «Офелию» и др. [полотна], гравюры с которых тебе, должно быть, уже встречались, они очень хороши. Затем Боутон, чью картину «Пуритане, идущие в церковь» ты знаешь по нашей «Galerie Photographique», у него я видел очень красивые вещи. Далее — представители старой школы: Констебль — это пейза-

¹ До востребования гг. [господам] Гупилю и К^о на Саутгемптон-стрит, 17. Стрэнд, Лондон (*англ.*).

жист, умерший лет тридцать назад, он великолепен: в его работах есть что-то от Диаза и Добиньи, Рейнольдса и Гейнсборо, которые в основном писали прекрасные женские портреты; и еще Тёрнер, гравюры с картин которого ты наверняка видел.

Здесь живут несколько хороших французских художников, в том числе Тиссо, репродукции картин которого есть в нашей фотоколлекции, а также Отто Вебер и Хейльбут. Последний сейчас создает ослепительные работы в духе Линдера.

Напиши, если сможешь, существуют ли [другие] фотографии картин Вотерса, помимо «Гуго ван дер Гуса» и «Марии Бургундской», и известны ли тебе репродукции картин Лажи и де Бракелера? Я имею в виду не старшего де Бракелера, а, кажется, одного из его сыновей, который на последней выставке в Брюсселе представил три великолепные картины, названные «Антверпен», «Школа» и «Атлас».

Мои дела идут хорошо, я много гуляю, живу в спокойном, уютном и чистом районе, мне воистину повезло. Правда, порой я с тоской вспоминаю те чудесные воскресные дни в Схевенингене и тому подобное, но это не беда.

Ты наверняка слышал, что Анна дома и что ей нездоровится, и это плохое начало ее отпуска, но мы будем надеяться, что сейчас ей уже лучше.

Спасибо тебе за то, что ты написал мне о картинах. Если когда-нибудь ты увидишь какие-либо работы Лажи, де Бракелера, Вотерса, Мариса, Тиссо, Георга Сааля, Юндта, Зиема, Мауве, непременно напиши мне: я очень люблю этих художников, и их полотна тебе наверняка встретятся.

Прилагаю копию стихотворения, где говорится об одном художнике, который «пришел в трактир „Зваан“, найдя там уют»: ты точно должен его помнить. Это настоящий Брабант, мне оно так нравится, Лис переписала его для меня в последний вечер, перед моим отъездом из дома. Как же мне хочется, чтобы ты побывал здесь! Что за чудесные дни мы с тобой провели в Гааге — я очень часто вспоминаю ту прогулку по дороге Рейсвейксенвег, то, как после дождя мы пили молоко на мельнице. Если прислан-

ные вами картины будут отправлены назад, то я пошлю тебе [с ними] изображение той мельницы кисти Вейсенбруха. Ты, должно быть, помнишь, что у него было прозвище «веселый мотив»: «Это пррректрасно, скажу я вам». С дорогой Рейсвейксенвег у меня, пожалуй, связаны самые приятные воспоминания. Когда нам доведется встретиться, мы, возможно, поговорим об этом.

А теперь, дружище, будь здоров, время от времени думай обо мне и напиши поскорее, я так радуюсь, когда получаю письма.

Винсент

Передавай привет господину Шмидту и Эдуарду. Как дела у дяди Хейна и тети? Напиши что-нибудь о них. Часто ли ты к ним заходишь? Передавай им горячий привет.

Вечерний час

Медленно разносился звук благовеста над полями,
Купавшимися в золоте предзакатного солнца.
Торжественный, трогательный час! Когда в деревне каждая мать
внезапно
Останавливает стрекочущее колесо, осеняя себя крестным
знамением.

Тогда же крестьянин в поле, останавливая своих пышущих паром
коней,

Что тянут плуг, обнажает голову, бормоча «Аве».
Торжественный, трогательный час! Когда колокол возвещает
о конце дня

Везде и повсюду, принуждая могучие, покрытые испариной
головы

Склоняться перед Ним — тем, кто заставляет течь пот.

И для художника, который на тенистом склоне холма
С самой зари увлеченно пишет картину,
Призыв к вечерней молитве прозвучал как знак к возвращению;
неторопливо он вытер

Кисть и палитру и сложил их вместе с холстом в свой этюдник,
Убрал складной стул и начал, зевая, свой спуск по тропинке,
Которая, мягко петляя, вела через цветочные поля к деревне.

Но, как уже часто бывало, не дойдя до подножья холма,
Замер он в восхищении, чтобы еще раз вобрать в свою душу
Ту полную жизни картину, которая открылась его взору.

Перед ним простиралась деревня с холмами на севере и юге,
Между гребней которых на запад уходило алое солнце,
Изливая на мир богатство своих красок и лучезарную славу.
Колокол на серой, обвитой черно-зеленым плющом колокольне
Теперь замолк. Без движения застыли в вышине коричневые
Лопасты мельниц; листва была неподвижна, и клубы синего дыма
от торфа

Поднимались из труб над хижинами, такие прямые,
Что казалось, будто они зависли в мерцающем небе.

Как будто и деревня, и поля, и холмы — все вокруг, —
Закутавшись в плед из вечерней росы, отходили ко сну,
С прощальным поцелуем солнца, молчаливые и благодарные,
Вспоминая изобилие и покой, которым они могли каждый день
наслаждаться.

Но вскоре эту тишину все же осторожно нарушили
Упоительные звуки вечера. Вдали, из лощины доносился
Затяжной звук рожка, призывавшего скот,
И в ответ на призыв пастуха на песчаную тропинку в овраге
Тотчас вышло разноцветное стадо коров,
С треском и шелканьем хлыст паренька гнал их вперед,
Пока они, поочередно вытягивая шеи и дружелюбно мыча,
Уже издалека приветствовали коровник, где их каждый вечер
Поджидала доярка, чтобы облегчить тугое вымя.
Деревня была осью, от которой расходились дороги,
Где бурлили движение и жизнь.
А еще крестьянин, сидя боком на своей гнедой лошади
и насвистывая мелодию,
Вез на телеге домой борону или плуг с поля.

А вот румяная девушка с пучком душистого клевера в руках
И с ромашками и маками в волосах издалека поприветствовала
кого-то,

Весело и игриво выкрикнув: «Доброго вечера!»
Дальше... Но на дорожке, по которой шел художник,
Вдруг послышался радостный смех:

Покачиваясь из стороны в сторону, к нему с грохотом
приближалась
Телега, до самых краев наполненная собранной гречихой.
На ней сидели дети с венками на светлых головках оттенка соломы,
Радостно размахивая ольховыми ветками
Или низвергая на землю потоки цветов и зелени,
Пока вокруг повозки парни и девчонки
Прыгали и смеялись, будоража задремавшую округу.

С тихой улыбкой наблюдал художник из-за кустов,
Как компания медленно петляла по изрезанной колеями дороге.
«Да, — бормотал он, — да, Господу на небесах, должно быть,
Понравились радостные возгласы, которыми эти сердца
С такой простотой выражали свою благодарность,
собирая последние
Плоды, ежегодно созревающие благодаря их трудам.
Да, потому что самая прекрасная молитва — это простая и невинная
радость!»

Вот так, размышляя о покое и радости, которыми душа
Наслаждается в поле, или, вернее, еще раз с восторгом
прокручивая в голове недавнюю прекрасную сцену
И оценивая ее с точки зрения художника,
Он, сам того не заметив, добрался до деревни.

Пурпур и желтизна на западе сменились серой мглой,
А с востока, позади церкви, поднялся полный
Медный диск луны, окутанный туманом,
Когда он пришел в трактир «Зваан», найдя там приют.

*Ян ван Беерс
«Бедняк»*

017 (13) Тео Ван Гог. Лондон, начало января 1874

Лондон, январь 1874

Дорогой Тео,
благодарю тебя за письмо.

От всего сердца желаю тебе счастливого Нового года. Знаю,
что твои дела в фирме идут хорошо — мне рассказал об этом гос-

подин Терстех. Из твоего письма я понял, что у тебя лежит душа к искусству, и это славно, старина. Я рад, что ты любишь Милле, Жака, Шрейера, Ламбине, Франса Хальса и т. д., потому что, как говорит Мауве, «это то самое». Да, картина Милле «Анжелюс» — «это то самое».

Это изобилие, это поэзия. Как же мне хочется вновь побеседовать с тобой об искусстве, но сейчас мы можем лишь регулярно друг другу писать; желаю тебе найти как можно больше прекрасного, большинству людей редко это удается.

Далее я приведу имена некоторых художников, которых люблю особенно сильно: Шеффер, Деларош, Гебер, Гамон.

Лейс, Тиссо, Лажи, Боутон, Миллес, Маттейс Марис, де Гру, де Бракелер-младший.

Милле, Жюль Бретон, Фейен-Перрен, Эжен Фейен, Брион, Юндт, Георг Сааль. Израэльс, Анкер, Кнаус, Вотье, Журдан, Жалабер, Антинья, Конт-Кали, Рохюссен, Мейсонье, Замакоис, Мадраццо, Зиём, Буден, Жером, Фромантен, де Турнемин, Пасини.

Декан, Боннингтон, Диаз, Т. Руссо, Труайон, Дюпре, Поль Гюзэ, Коро, Шрейер, Жак, Отто Вебер, Добиньи, Уолберг, Бернье, Эмиль Бретон, Шеню, Сезар де Кок, мадемуазель Коллар. Бодмер, Куккук, Схелфхоут, Вейсенбрух и последние по счету, но не по значимости — Марис и Мауве.

Я бы мог перечислять имена бесконечно долго, а кроме того, следует также упомянуть всех их предшественников, и я уверен, что пропустил кое-кого из лучших современных художников.

Продолжай много гулять и всем сердцем люби природу, потому что это самый надежный способ научиться разбираться в искусстве. Художники понимают природу и любят ее и учат нас видеть.

И потом, бывают художники, которые не создают ничего, кроме прекрасного, которые не могут создать ничего дурного — так же, как бывают обычные люди, у которых все выходит удачно.

Мои дела идут хорошо, у меня уютное жилье, мне доставляет большое удовольствие исследовать Лондон и наблюдать за англичанами и их образом жизни, и еще у меня есть природа, ис-

кусство и поэзия. А если и этого недостаточно, чего же будет достаточно? И все же я не забываю Голландию, особенно Гаагу и Брабант.

На службе у каждого из нас много дел, мы составляем опись, которая, впрочем, будет готова через 5 дней, так что нам будет чуть легче, чем вам в Гааге.

Надеюсь, что ты, как и я, хорошо провел Рождество.

Ну, дружище, будь здоров и напиши мне как можно скорее, сейчас я написал то, что пришло в голову, надеюсь, что ты сможешь во всем этом разобраться. Прощай, передавай привет коллегам и тем, кто будет обо мне спрашивать, в особенности всем домашним тетушки Фи и Хаанебеков.

Винсент

Прилагаю пару слов для господина Рооса.

022 (16). Тео Ван Гог. Лондон, четверг, 30 апреля 1874

Лондон, 30 апреля 1874

Дорогой Тео,

от всего сердца поздравляю тебя с днем рождения, будь благонадежен и не озирайся назад, тогда все получится.

Меня обрадовало твое последнее письмо. Несколько дней назад я послал тебе репродукцию Жаке «Девушка с мечом», так как подумал, что тебе хотелось бы ее иметь.

Картина ван Горкома не очень грязная. (Между нами, я ее не видел, но сообщи ему, что я написал: она не очень грязная.)

Как поживают Мауве и Йет Карбентус? Напиши мне что-нибудь о них.

Это хорошо, что ты бываешь у Хаанебека.

Если я приеду в Голландию, то, возможно, на день-другой заеду в Гаагу, потому что Гаага для меня — как второй дом. (Я остановлюсь у тебя.)

Я бы хотел также прогуляться в Де Винк. Я гуляю здесь так часто, как могу, но у меня очень много дел. Здесь потрясающе

красиво (хоть это и город). Во всех садах цветет сирень и боярышник, бобовник и т. д., каштаны великолепны.

Если по-настоящему любить природу, везде увидишь красоту. Но иногда я все же ужасно тоскую по Голландии, и в особенности по Хелворту.

Я всю садовничаю и засадил весь наш садик душистым горошком, маком и резедой, остается ждать и смотреть, что из этого вырастет.

Я наслаждаюсь прогулками от дома до фирмы, а вечером из фирмы до дома, это примерно три четверти часа пешком.

Чудесно, что здесь так рано заканчивают, мы закрываемся в 6 часов, но, несмотря на это, работаем не меньше.

Поприветствуй всех знакомых у Терстехов, Хаанебеков и Карбентусов, в особенности Рооса, также домашних дяди Помпе, потому что они уезжают в Кампен, и господина Бакхейзена и т. д.

Желаю тебе всего наилучшего,

Винсент

Здесь отцвели яблони и проч., и это было красиво; мне кажется, что все здесь происходит раньше, чем в Голландии.

Как только узнаю что-то более определенное по поводу моей поездки домой, я тотчас тебе напишу. Однако я опасаясь, что это может случиться недели через четыре, не раньше. Напиши как можно скорее.

033 (26). Тео Ван Гог. Лондон, суббота, 8 мая 1875

Лондон, 8 мая 1875

Дорогой Тео,

спасибо за твое последнее письмо. Как дела у больной?¹ Папа уже сообщил мне о ее болезни, но я не знал, что это настолько серьезно, как ты описываешь.

¹ Речь идет об Аннет Корнелии Хаанебек (1851–1875), в которую был влюблен Тео и которая вскоре скончалась. — *Примеч. ред.*

Напиши об этом поскорее, если захочешь. Да, старина, «что скажем мы»?

К. М. и господин Терстех приезжали сюда и в прошлую субботу опять уехали. Они, по моему мнению, провели слишком много времени в Хрустальном дворце и в других местах, куда им и ходить-то не стоило. Полагаю, они могли бы также посмотреть, где я живу.

Ты спрашиваешь меня об Анне, но об этом мы поговорим позже.

Я надеюсь и верю, что не являюсь тем, кем меня многие считают сейчас, поглядим, должно пройти время; возможно, через пару лет то же самое будут говорить о тебе, по крайней мере, если ты останешься тем, кто ты есть, мой брат, — в двойном смысле этого слова.

Кланяюсь, и передавай привет больной. Жму руку.

Винсент

Чтобы действовать внутри мира, следует умереть для себя. Народ, сделавшийся провозвестником религиозной идеи, отныне имеет лишь одно отечество — эту идею. Человек существует в этом мире не только для того, чтобы быть счастливым, даже не для того, чтобы просто быть честным. Он существует для того, чтобы воплотить великие замыслы через общество, чтобы прийти к благородству и преодолеть вульгарность, в которой влачит свои дни почти каждый.

Ренан¹

¹ В письме процитировано по-французски.